

Е. В. Скуднякова

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «СОН»

*Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования перцептуального пространства и времени в рассказе И. С. Тургенева «Сон». Автор доказывает, что специфика обусловлена присутствием в произведении категории фантастического и особого типа личности главного героя, который является носителем фантастического (таинственные сны). Установлено, что пространственно-временные искажения перцептуальной сферы происходят в его сознании и подсознании. В ходе анализа выявлено, что сфера перцептуального пространства-времени сначала расширяется (фантастический сон – сон-галлюцинация – сон наяву), а потом органично включается в реальную действительность. Подчеркивается особая значимость сна-галлюцинации, который активизирует динамику последующего событийного ряда.

Ключевые слова: *фантастическое, перцептуальное пространство, перцептуальное время, особый тип личности.*

Е. V. Skudnyakova

FORMATION OF PERCEPTUAL SPACE AND TIME IN I. S. TURGENEV'S STORY «DREAM»

Moscow State Humanities and Economics University, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the formation of perceptual space and time in the story of I. S. Turgenev «Dream». The author proves that the specificity is due to the presence of the category of fantastic in the work and a special type of personality of the main character, who is the bearer of the fantastic (mysterious dreams). It has been established that the spatio-temporal distortions of the perceptual sphere occur in the consciousness and subconscious of the protagonist. The analysis revealed that the sphere of perceptual space-time first expands (a fantastic dream – a dream-hallucination – a dream in reality), and then it is naturally included in reality. The author stresses the significance of sleep-hallucination which activates the dynamics of the subsequent series of events.

Keywords: *fantastic, perceptual space, perceptual time, specific type of personality.*

Актуальность исследуемой проблемы. Концептуальное рассмотрение специфики формирования перцептуального пространства и времени в поэтике рассказа И. С. Тургенева «Сон» еще не становилось предметом специального изучения в российском литературоведении. Цель исследования – проанализировать специфику формирования перцептуального пространства-времени в поэтике данного произведения.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования стал рассказ И. С. Тургенева «Сон» (1877). При написании статьи автором были изучены ключевые исследования по поэтике писателя – Г. А. Бялого [3], С. Е. Шаталова [11], П. Г. Пустовойта, Г. Б. Курляндской [5], А. Б. Муратова [6]; а также работы М. М. Бахтина [1], [2], Р. А. Зобова и А. М. Мостепаненко [4] по типам художественного пространства и времени. Использован метод целостного анализа произведения.

Результаты исследований и их обсуждение. Литературное произведение – «это особый тип реальности», существующий «в виде трех сфер», «каждая из которых локализована в пространстве и времени особого типа»: “реальном”, “концептуальном”, “перцептуальном” – в форме художественного образа» [4, с. 14].

В поэтике рассказа И. С. Тургенева «Сон» серьезную художественную нагрузку несет категория фантастического. С нашей точки зрения, ее появление в произведении во многом обусловлено психологией главного героя, человека с богатым внутренним миром, «эмоциональной сверхчувствительностью», «склонностью к таинственному» [8, с. 8]. Ему было гармонично вдали от людей, наедине со своими мыслями и мечтами: «...Я вообще чуждался людей; я даже с матушкой разговаривал мало. Я пуше всего любил читать, гулять наедине – и мечтать, мечтать!» [10, с. 270]. При этом он сам не мог понять, о чем именно он мечтал: «... Мне, право, иногда чудилось, будто я стою перед полузакрытой дверью, за которой скрываются неведомые тайны, стою и жду, и млею, и не переступаю порога – и все размышляю о том, что там находится впереди, – и все жду и замираю... или засыпаю» [10, с. 270]. Он также прямо говорит о своей эмоциональной и физической болезненности: «...Нервы мои до времени расстроились; к тому же и здоровьем я был довольно слаб» [10, с. 270].

Так в художественную ткань рассказа «Сон» вводится «“особый” тип личности», которому свойственно интуитивное восприятие окружающего мира [8, с. 8]. Именно персонаж подобного типа обуславливает специфику формирования «перцептуального пространства-времени» в поэтике произведения [4, с. 20]. Р. А. Зобов и А. М. Мостепаненко в статье «О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства» подчеркивают «субъективный характер» перцептуальной сферы, а также отмечают, что она действует в пределах двух состояний: «сна, когда допустимы самые разнообразие вариации пространственно-временных отношений», и «глубокого гипноза (например, в стадии сомнамбулизма)» [4, с. 11, с. 20, с. 21]. Герой рассказа воспринимает жизнь через призму сновидений (фантастическое): «... Сны играли в моей жизни значительную роль; я видел сны почти каждую ночь. Я не забывал их, я придавал им значение, считал их предсказаниями, старался разгадать их тайный смысл; некоторые из них повторялись от времени до времени, что всегда казалось мне удивительным и странным» [10, с. 271].

Рассматриваемый тип художественного пространства и времени формируется в пределах самого таинственного сна персонажа, в котором он ищет своего отца. И все содержание сновидения «мотивировано не извне, а только внутренними механизмами <...> лежащими в области подсознания» героя [4, с. 21]. Это желание, с одной стороны, разгадать тайный смысл своего сновидения; с другой – понять причины «тайного, неизлечимого и незаслуженного горя», которое «постоянно подтачивало самый корень <...> существования» его матери [10, с. 269].

В фантастическом сне присутствуют все составляющие «перцептуального пространства-времени» [4, с. 20]. Во-первых, детально описываются «образы реальной действительности»: «Мне казалось, что я иду по узкой, дурно вымощенной улице старинного города, между многоэтажными каменными домами <...> Я отыскиваю моего отца, который не умер, но почему-то прячется от нас и живет именно в одном из этих домов. И вот я вступаю в низкие, темные ворота, перехожу длинный двор, заваленный бревнами и досками, и проникаю наконец в маленькую комнату...» [4, с. 21], [10, с. 271]. Внешний облик отца таков: «... Стоит мой отец в шлафроке и курит трубку <...> Он высок ростом, худощав, черноволос, нос у него крючком, глаза угрюмые и пронзительные...» [10, с. 271]. Во-вторых, во сне частично присутствуют «элементы прошлого опыта индивида, воспроизведенные в несколько искаженном виде с помощью механизмов памяти» [4, с. 21]. Персонаж удивлен тем фактом, что отец из сна «нисколько не похож

на <...> настоящего...» [10, с. 271]. В-третьих, есть «чисто фантастические построения» – расширение пространства комнаты [4, с. 21]. Сон оставляет в душе героя глубокий след.

Р. А. Зобов и А. М. Мостепаненко акцентируют внимание на том, что «в перцептуальном пространстве-времени существуют также и фантастические элементы, которым вообще может не существовать аналогов в реальной действительности» [4, с. 20]. Поэтому становятся возможными «растяжение или сжатие временных интервалов, деформации пространственных отношений» [4, с. 20]. Подобная «деформация» присутствует и в анализируемом произведении – расширение границ фантастического сна [4, с. 20]. Это происходит в момент встречи героя с человеком, в котором он узнал отца из своего сна. Он видел сходство незнакомца с «ночным» отцом» в одежде («даже долгополый балахон <...> цветом и складом напоминал тот шлафрок»), речи («неясное внутреннее бормотанье») [10, с. 274, с. 272]. Но в то же время он отмечал в образе барона детали, которых не было в сновидении – «улыбочка», взгляд, «глубокий шрам» на лбу [10, с. 275]. В рассказе подчеркивается, что именно эти детали произвели на героя мрачное, даже гнетущее впечатление: «Мне не нравилась улыбочка <...> не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзал в меня... В них было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое. Этих глаз я во сне не видел» [10, с. 275].

В произведении присутствуют также и фантастические временные искажения. В момент встречи с «ночным» отцом» наблюдается «растяжение временных интервалов» – сложное взаимодействие прошлого, настоящего и будущего времени [4, с. 20], [10, с. 274]. Ни персонаж, ни читатель об этом не подозревают до момента, когда мать открывает сыну тайну его рождения – настоящее время реальной действительности «растягивается», вбирая в себя прошлое и предопределяя события будущего [4, с. 20]. И это «растяжение» происходит одновременно с «деформацией пространственных отношений» – сон главного героя выходит за пределы сновидения и становится реальностью, при этом сон – связующее звено между прошлым, настоящим и будущим героев [4, с. 20]. И весь дальнейший ход сюжета в рассказе «Сон» развивается на пересечении сна и яви, «перцептуального пространства-времени» и реального [4, с. 20].

Юноша наблюдает двойственное состояние матери во время откровенного разговора. Ее признание помогло ему понять, что барон действительно его настоящий отец. Ему стало понятно «чувство невольного отвращения» матери к нему [10, с. 280].

Таким образом, в рассказе И. С. Тургенева происходит расширение сферы «перцептуального пространства-времени»: фантастический сон – сон-галлюцинация – сон наяву [4, с. 20].

Сон-галлюцинация не укладывается в пределы сна как такового, потому что происходит на зыбкой границе сознания и подсознания, сна и яви (ночь/утро): «Перед зарей я забылся дремотой... Вдруг мне почудилось, что кто-то вошел ко мне в комнату и позвал меня, произнес мое имя – негромким, но решительным голосом. Я приподнял голову и не увидел никого...» [10, с. 281]. Зловещее описание ночной бури на море предвосхищает включение сна-галлюцинации в поэтику рассказа. Мрачный пейзаж «создает психологический настрой восприятия» всех последующих трагических событий, а также высвечивает сложное «внутреннее состояние» главного героя [7, с. 155]. Описание «последних трепетаний» бури присутствует и перед сном наяву [10, с. 282].

Сон-галлюцинация активизирует ход последующих событий – герой-рассказчик отправляется на поиски своего отца. После сна-галлюцинации в его сознании граница между сном и реальностью практически стирается, что становится первопричиной последующих фантастических пространственно-временных искажений: вместо пристани он, под влиянием странных сил, вдруг идет совсем «в другую сторону» и оказывается на незнакомой улице своего города [10, с. 282]. При этом снова подчеркивается психологическое состояние персонажа – предчувствие «чего-то необыкновенного, невозможного» [10, с. 282].

Неожиданно он «увидел того самого арапа», который подходил к барону в кофейне [10, с. 282]. И в ходе дальнейшего развития сюжета наблюдается расширение «перцептуального пространства-времени» – главный герой неожиданно попадает на незнакомую улицу: «Высокий арап в плаще так же внезапно исчез, как и появился <...> Эта улица, которая растянулась перед моими глазами, вся немая и как бы мертвая, – я ее узнал! Это была улица моего сна» [4, с. 20], [10, с. 282]. На глазах персонажа фантастический сон воплощается до мельчайших подробностей в реальном пространстве: «... Вот и дом моего сна, вот и старинные ворота с каменными завитушками по обеим сторонам...» [10, с. 283]. Он узнает внутренний двор: «Так; все так ... вот и доски, и бревна, виденные мною во сне» [10, с. 283]. В этой точке повествования в сознании героя снова происходит смешение сна и яви: «Я был уверен, я был убежден, что я увижу в этом доме знакомую мне комнату, – и посреди ее моего отца, барона <...> А отец уехал в Америку!» [10, с. 284].

Далее в поэтике произведения расширенное «перцептуальное пространство-время» (сон – сон-галлюцинация – сон наяву) плавно перетекает в сферу реальности, где фантастический сон получает трагическое продолжение (он находит на морском берегу труп своего настоящего отца) [4, с. 20]. Водная стихия предстает в образе моря после сильной ночной бури – «крутые гребни длинных валов чередою катились и разбивались о плоский берег»; «острокрылые чайки», «налетая по ветру из далекой воздушной бездны», «пропадали в полосах клубившейся пены» [10, с. 285]. И именно на берегу, среди «грубой морской осоки» главный герой находит мертвого отца: «Это труп; это утопленник, выброшенный морем!» [10, с. 285]. Мрачный морской пейзаж подчеркивает слабость человека перед силами природы: «Тут только я понял, что меня с самого утра водили какие-то неведомые силы, что я в их власти, – и в течение нескольких мгновений ничего в моей душе не было, кроме немолчного морского песка – и немного страха перед овладевшей мною судьбой <...> Буря прошедшей ночи сделала свое дело... Он не увидел Америки!» [10, с. 285, с. 286]. Здесь четко прослеживаются пессимистические взгляды И. С. Тургенева, считавшего, что природа абсолютно равнодушна к судьбе человека: «Пустота всюду... только он – да я – да шумевшее вдали море» [10, с. 286].

Неоднозначность финала высвечивает еще одно убеждение писателя – природа не позволяет глубоко проникнуть в свои тайны. Поэтому в рассказе нет четкой интерпретации фантастического сна главного героя. Возможно, это голос крови, который сначала проявился в сфере бессознательного, а потом практически полностью воплотился в реальной действительности. Непонятна и дальнейшая судьба барона, труп которого исчез самым странным образом.

Юношу никогда больше не беспокоил этот странный сон: «...Но иногда мне чудилось – и чудится до сих пор – во сне, что я слышу какие-то далекие вопли, какие-то несмолкаемые, заунывные жалобы; звучат они где-то за высокой стеною, через которую перелезть невозможно, надрывают они мне сердце...» [9, т. 11, с. 290].

Резюме. Итак, на специфику формирования «перцептуального пространства-времени» в рассказе И. С. Тургенева «Сон» влияет, с одной стороны, категория фантастического, с другой – «особый» тип личности главного героя [8, с. 8]. Персонаж подобного склада становится носителем фантастического, он воспринимает мир через свои сновидения и мечтания.

Специфика «перцептуального пространства-времени» проявляется в ходе развертывания сюжета – поэтапное расширение и органичное включение в реальное пространственно-временное измерение. Промежуточное положение занимает сон-галлюцинация, который в произведении выполняет важную художественную функцию – обеспечение динамики последующих событий, прогнозируя трагическую развязку таинственного сна персонажа в реальной действительности.

Именно подсознание главного героя активизирует вторичное появление «перцептуального пространства-времени» в поэтике рассказа – финальный фантастический сон. Таким образом, ««особый» тип личности» – некое связующее между фантастическими снами звено, которое замыкает тайну внутри «перцептуальной» сферы, поэтому до самого конца рассказа сохраняется неоднозначность толкования произошедшего как для персонажа, так и для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М. : Сов. писатель, 1963. – 363 с.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи / сост. С. Болгаров, В. Кожин. – М. : Худож. лит-ра, 1986. – С. 121–290.
3. *Бялый Г. А.* Тургенев и русский реализм. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1962. – 247 с.
4. *Зобов Р. А., Мостепаненко А. М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве : сборник статей. – Л., 1974. – С. 11–26.
5. *Курляндская Г. Б.* И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. – Тула : Гриф и К, 2001. – 230 с.
6. *Муратов А. Б.* Тургенев – новеллист (1870–1880-е годы). – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 119 с.
7. *Себина Е. Н.* Пейзаж // Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины : учебное пособие. – М. : Академия, 1999. – С. 153–160.
8. *Скуднякова Е. В.* Фантастическое в поэтике «таинственных повестей» И. С. Тургенева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Саранск, 2009. – 23 с.
9. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. – М. ; Л. : Наука, 1960–1968.
10. *Тургенев И. С.* Сочинения : в 15 т. Т. 11. – М. : Наука, 1960. – 542 с.
11. *Шаталов С. Е.* Проблемы поэтики И. С. Тургенева. – М. : Просвещение, 1969. – 328 с.

Статья поступила в редакцию 18.09.2019

REFERENCES

1. *Bakhtin M. M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. – M. : Sov. pisatel', 1963. – 363 s.
2. *Bakhtin M. M.* Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Literaturno-kriticheskie stat'i / sost. S. Bolgarov, V. Kozhinov. – M. : Khudozh. lit-ra, 1986. – S. 121–290.
3. *Byaliy G. A.* Turgenev i russkiy realizm. – M. ; L. : Sov. pisatel', 1962. – 247 s.
4. *Zobov R. A., Mostepanenko A. M.* O tipologii prostranstvenno-vremennykh otnosheniy v sfere iskusstva // Ritm, prostranstvo i vremena v literature i iskusstve : sbornik statey. – L., 1974. – S. 11–26.
5. *Kurlyandskaya G. B.* I. S. Turgenev. Mirovozzrenie, metod, tradicii. – Tula : Grif i K, 2001. – 230 s.
6. *Muratov A. B.* Turgenev – novelist (1870–1880-e gody). – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. – 119 s.
7. *Sebina E. N. Peyzazh* // L. V. Chernec, V. E. Khalizev, A. Ya. Esalnek i dr. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie. Osnovnye ponyatiya i terminy : uchebnoe posobie. – M. : Akademiya, 1999. – S. 153–160.
8. *Skudnyakova E. V.* Fantasticheskoe v poetike «tainstvennykh povestey» I. S. Turgeneva : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Saransk, 2009. – 23 s.
9. *Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 28 t. – M. ; L. : Nauka, 1960–1968.
10. *Turgenev I. S.* Sochineniya : v 15 t. T. 11. – M. : Nauka, 1960. – 542 s.
11. *Shatalov S. E.* Problemy poetiki I. S. Turgeneva. – M. : Prosveshhenie, 1969. – 328 s.

The article was contributed on September 18, 2019

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Московского государственного гуманитарно-экономического университета, г. Москва, Россия; e-mail: lena11777@bk.ru

Author information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia; e-mail: lena11777@bk.ru